

Е. М. ПРИДИКЪ.

ДВА
СЕРЕБРЯНЫХЪ РИТОНА

ИЗЪ КОЛЛЕКЦІИ

Императорскаго Эрмитажа.

ОДЕССА.

„Славянская“ типографія Е. Хрисогелось, улица Кондратенко, д. № 8.
1912.

687
Arch. wach:
2081

Е. М. ПРИДИКЪ.

ДВА
СЕРЕБРЯНЫХЪ РИТОНА

ИЗЪ КОЛЛЕКЦІИ

Императорскаго Эрмитажа.

ОДЕССА.

„Славянская“ типографія Е. Хрисогелось, улица Кондратенко, д. № 8.
1912.

Печатано по опредѣленію ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Вице-президентъ **А. Л. Бертъе-Делагардъ.**
Секретарь проф. **М. Г. Попруженко.**

Handwritten signature or initials.

B. 3949

8499 d 86

Отдѣльный оттискъ изъ «Сборника въ честь Э. Р. фонъ-Штерна» (XXX т. «Записокъ ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей»).

Два серебряныхъ ритона изъ коллекціи Императорскаго Эрмитажа.

Было время, когда наши археологи и хранители музеевъ благоговѣли передъ археологическою грязью, какъ передъ тонкимъ parfum d'antiquité. Всѣ предметы, найденные при раскопкахъ, выставялись со всею нарощею на нихъ при долгомъ лежаніи въ землѣ окисью, накипью и ржавчиною, придававшими вещамъ совершенно безобразный видъ и подчасъ закрывавшими всѣ изображенія; самая мысль о чисткѣ предметовъ считалась почти преступною, а если кто, набравшись гражданскаго мужества, и отваживался прибѣгнуть къ чисткѣ, то эта чистка производилась самымъ варварскимъ способомъ посредствомъ ножей, напильниковъ, или даже металлическихъ щетокъ.

Заграницей уже давно отношеніе къ грязи вѣковъ измѣнилось; всѣ крупныя музеи имѣютъ теперь свои химическія лабораторіи, гдѣ всѣ находимые при раскопкахъ предметы подвергаются самой тщательной чисткѣ и выщелачиванію, предохраняющимъ ихъ на всегда отъ дальнѣйшей порчи; издавались краткія руководства для чистки химическими способами¹⁾. Но всѣ эти благіе примѣры у насъ въ Россіи оставались по большей части безъ всякаго вниманія и подражанія.

До 1904 года и наша Эрмитажная коллекція въ этомъ отношеніи не отличалась отъ прочихъ русскихъ музеевъ. Стоило не мало труда, убѣдить начальство въ самой допустимости и необходимости чистки; назначались особыя коммисіи, посылались эксперты для разсмотрѣнія этого вопроса; имъ приходилось доказывать, почему и какъ слѣдуетъ очищать предметы, найденные при раскопкахъ; нужно было указывать на то, что этою чисткою драгоцѣннѣйшіе предметы древности часто предохраняются отъ дальнѣйшей порчи и что только послѣ нея получается вѣрное представленіе о всей прелести изображеній: и все это вслѣдствіе укоренившагося взгляда, что предметы древности должны сохраняться и выставяться въ такомъ видѣ, въ какомъ они

¹⁾ Ср. на пр. *F. Rathgen*, die Konservierung von Altertumsfunden (Handbücher der königlichen Museen zu Berlin, Heft 7), Berlin, W. Spemann 1898.

были найдены! Просто удвительно. какъ гг. Пикарь, Солнцевъ и другіе рисовальщики Императорской Археологической Коммисіи могли рисовать и возстановлять изображенія на неочищенныхъ вещахъ! О точности такихъ рисунковъ, конечно, и рѣчи быть не можетъ ²⁾).

Первый ритонъ, о которомъ, мы будемъ говорить въ нашей краткой замѣткѣ, можетъ служить прекраснымъ примѣромъ того, какъ необходима чистка предметовъ древности. Какъ все находки изъ кургана Карагодеуашхъ и онъ былъ изданъ въ 13-мъ выпускѣ Матеріаловъ по археологіи Россіи въ 1894 году А. С. Лаппо-Данилевскимъ и В. К. Мальмберггомъ, но стоитъ только сравнить рисунокъ на стр. 76 и 147 указаннаго труда съ нашими теперешними таблицами, I, II, III, чтобы убѣдиться въ томъ, что изображенія этого ритона изданными можно считать лишь теперь. Весь верхній, широкій конецъ ритона почти сплошь былъ покрытъ накипью, такъ что художнику Ф. Г. Беренштаму, дѣлавшему рисунокъ въ „Матеріалахъ“ съ трудомъ удалось установить и тѣ немногіе контуры, которые мы видимъ на его рисункѣ. Нынѣ ритонъ очищенъ бывшимъ лаборантомъ при химической лабораторіи Императорской Академіи Наукъ Г. Ф. Вульфомъ; послѣ чистки съ него былъ сдѣланъ прекрасный рисунокъ художникомъ А. Д. Раевскимъ ³⁾; на табл. III ритонъ изображенъ по фотографіи снятой съ оригинала.

Хотя ритонъ, какъ мы видимъ, сильно пострадалъ, все-же его можно вполне возстановить по четыремъ сохранившимся крупнымъ кускамъ; изображенія на немъ послѣ чистки видны совершенно ясно и отчетливо ⁴⁾. Вокругъ верхняго края ритона, нѣсколько отступя отъ него,

²⁾ Намъ почастливилось найти ученаго химика, который съ удивительною любовью и рѣдкою тщательностью посвящаетъ нѣсколько часовъ въ недѣлю этой отвѣтственной и трудной задачѣ: это завѣдующій испытательной станціей Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ Василій Васильевичъ Вейсенбергеръ; считаемъ своимъ пріятнымъ долгомъ и здѣсь выразить искреннюю признательность глубокоуважаемому г. Управляющему Экспедиціей Н. И. Тавилдарову за любезное разрѣшеніе Василію Васильевичу одинъ день въ недѣлю посвящать чисткѣ предметовъ въ Императорскомъ Эрмитажѣ. При самыхъ примитивныхъ условіяхъ, не имѣя никакихъ приспособленій для промыванія и пр., этотъ рѣдкій человекъ замѣчательно хорошо очистилъ Куль-Обекія, Чертомлыцкія (въ томъ числѣ и знаменитую вазу), Келермесскія вещи, далѣе находки изъ Семибратняго кургана, Большой Близины, Васюринской горы, Керченской катакомбы 1903 года и т. д. и теперь въ Императорскомъ Эрмитажѣ каждый лично можетъ убѣдиться въ необходимости чистки и долженъ будетъ признать, что давно уже намъ слѣдовало послѣдовать и въ этомъ примѣру Европы. Во время печатанія этой статьи мы узнали, что этнографическій отдѣлъ музея имени Императора Александра III устраиваетъ у себя химическую лабораторію и пригласилъ въ сотрудники В. В. Вейсенбергера. Можно только приветствовать начинанія музея и надѣяться, что онъ найдетъ послѣдователей.

³⁾ Приносимъ благодарность Императорской Археологической Коммисіи, которая съ величайшею любезностью предоставила намъ для изданія принадлежащей ей оригинальный рисунокъ А. Д. Раевского.

⁴⁾ Мы въ своемъ описаніи ошибокъ прежнихъ издателей исправлять не будемъ; эти ошибки всецѣло объясняются тѣмъ, что на неочищенномъ ритонѣ почти ничего разобрать было невозможно.

вьется изящная гирлянда, состоящая из аканѳовой вѣтки и завитковъ, оканчивающихся цвѣтками и листьями араѳен (каллы) и лотоса; въ изображеніи цвѣткѣ мы наблюдаемъ удивительное разнообразіе, то совершенно распустившіеся листья каллы въ профиль въ видѣ перевернутыхъ колокольчиковъ, то полуоткрытыя цвѣтки, то болѣе или менѣе распустившіеся бутоны. Этотъ поясокъ отдѣляется отъ слѣдующаго, главнаго, гладкимъ ободкомъ, но это раздѣленіе не строгое; такъ напр. скипетръ лѣваго всадника заходитъ далеко въ гирлянду, дерево, заполняющее свободное пространство за спинами всадниковъ, также заходитъ своими листьями въ верхній поясокъ и т. д.

Изображеніе на главномъ поясѣ особенно интересно. Мы видимъ двухъ всадниковъ, спокойно стоящихъ другъ противъ друга. Лѣвый держитъ въ правой рукѣ ритонъ, а въ лѣвой длинную палку, несомнѣнно скипетръ, хотя верхній и нижній концы, къ сожалѣнію, не ясно видны ⁵⁾. Лицо всадника, сдѣланное какъ и все изображенія на ритонѣ въ довольно плоскомъ рельефѣ, прекрасно сохранилось; типъ его совершенно скиѳскій. Голова повернута вправо въ профиль,

⁵⁾ Что у всадника въ рукахъ не конь, а скипетръ, по моему мнѣнію не подлежитъ сомнѣнію: 1) конья скиѳскія гораздо короче (ср. напр. Куль-Обскую электронную вазу); 2) такіе длинные скипетры мы видимъ въ рукахъ царей на босфорскихъ монетахъ, напр. на бронзовыхъ монетахъ царей Савромата II и Реекупорида II, которыя здѣсь изображаемъ (рис. 1). Я лично также не сомнѣваюсь, что найденные въ Куль-

Рис. 1.

Обскомъ курганѣ три скипетра, изображенные въ Древностяхъ Босфора Киммерійскаго табл. XXVII, 1 и 2 (Эрм. n° 520 а, в, с.) на самомъ дѣлѣ части двухъ скипетровъ, кончавшихся съ одного конца словою шишкой, а съ другого львиною головою: мы получили-бы палки въ три аршина длиною, что вполне возможно (второй скипетръ съ одной стороны оканчивался львиною мордою, а съ другой гладкою крышкою: онъ всего 1½ аршина длиною но, можетъ быть, часть его пропала). Стефани считалъ ихъ скипетрами глашатаевъ или церемоніймейстеровъ, что по моему мнѣнію совершенно невѣроятно; онъ руководился при этомъ многочисленностью скипетровъ, но мнѣ кажется, что это только части двухъ скипетровъ, именно царскихъ. Въ «Русскихъ Древностяхъ» П. П. Кондакова и графа И. П. Толстого (II вып., стр. 90 русск. изд. и стр. 137 франц. изд. *Sal. Reinach'a*) про эти три палки сказано, что онѣ, вѣроятно, служили для торжественнаго выноса погребальнаго ложа, но и это объясненіе мнѣ кажется мало вѣроятнымъ. На босфорскія монеты обратилъ мое вниманіе М. П. Ростовцевъ, которому я вообще обязанъ нѣкоторыми цѣнными указаніями.

длинные волосы падают на плечи и сливаются в одно с длинною же бородою, конец которой, къ сожалѣнію, у подбородка обломанъ; лицо торжественное, даже нѣсколько мрачное; морщины лба обозначены двумя вогнутыми линіями. Всадникъ одѣтъ въ скиѣскую одежду, какъ мы ее знаемъ по памятникамъ (ср. Куль-Обскую и Чертомлыцкую вазу), узкіе, косматые, повидимому, штаны всунуты въ мягкіе, кожаные сапоги, которые посерединѣ перевязаны; кафтанъ богато украшенъ волнообразными узорами и розетками или кружками. Отъ другого всадника сохранилось гораздо меньше, отъ головы остались только волосы, но по контурамъ излома можно судить, что лицо было похоже на лицо лѣваго всадника и также имѣло клинообразную, длинную бороду; штаны богато украшены узорами, которыхъ на косматыхъ штанахъ лѣваго всадника не видно. Правый всадникъ поднимаетъ вверхъ правую руку, обращенную ладонью впередъ. Лошади обѣихъ всадниковъ сдѣланы прекрасно: грива совсѣмъ короткая, хвосты длинные; формы сдѣланы, если таковыя были, влѣдствіе полумовъ не видно, чепраковъ-же и стремянъ не было; кромѣ узды мы другой сбруи не видимъ⁶⁾. Подъ каждымъ изъ всадниковъ лежитъ по трупъ павшаго врага: лѣвый трупъ лежитъ на лѣвомъ боку съ простертыми впередъ руками, правый-же лицомъ въ землю; оба одѣты въ богато украшенную одежду, которая, насколько видно, не отличается отъ одежды всадниковъ. Свободное пространство между всадниками сзади заполняется деревомъ, стволъ котораго въ нижней части виденъ около лѣвой задней ноги правой лошади, а верхняя часть дерева заходитъ въ верхній поясокъ съ гирляндю.

Возникаютъ вопросы: что обозначаетъ поднятая рука праваго всадника? И что вообще изображаетъ сцена? А. С. Лаипо-Данилевскій, стр. 76 пишетъ: „трудно угадать смыслъ этой сцены, вѣроятно, охоты или военной схватки, которыми нерѣдко украшались предметы скиѣо-сарматской древности греческаго издѣлія“. Гораздо болѣе подробно вопросъ разсматривается В. К. Мальмбергомъ, стр. 148: онъ указываетъ на то, что такимъ жестомъ на греческихъ памятникахъ сопровождается молитва; что на памятникахъ изъ южной Россіи такое-же положеніе руки, строго говоря, встрѣчается лишь одинъ разъ, на бляхѣ мужской погребальной повязки чрезвычайно грубой работы (Древн. Босф. Киммер., табл. III, рис. 3), но что и тамъ изображена обрядовая сцена, между тѣмъ какъ изображенная на нашемъ ритонѣ

⁶⁾ Какъ легко можно ошибаться при описаніи неясно сохранившихся предметовъ, видно по описанію О. Р. Беренштама, рисовавшаго ритонъ по неочищенному оригиналу; онъ пишетъ: «по положенію же головы одной лошади и сохранившейся лѣвой, задней ногѣ другой, лошади скачутъ; та изъ нихъ, которая бѣжитъ вправо, по положенію ноги всадника, галопируетъ съ лѣвой ноги». И В. К. Мальмбергъ «судя по развѣвающейся гривѣ» полагалъ, что лошади скачутъ, между тѣмъ какъ оба коня стоятъ совершенно смрно.

сцена носить скорѣе жанровый характеръ; что на вотивныхъ памятникахъ адоранты съ такимъ жестомъ приближаются къ героизированному усоншему, но что адоранты никогда не изображаются верхомъ и что поэтому врядъ-ли можно видѣть въ нашемъ изображеніи подобную сцену; что лѣвый всадникъ совершенно соотвѣтствуетъ правому; что хотя поднятыя невооруженныя руки и обозначаютъ сдачу или покорность врагу, все же такого впечатлѣнія нашъ рисунокъ не производитъ, а потому жестъ можно понимать лишь въ болѣе широкомъ смыслѣ, а именно какъ неимѣніе непріязненныхъ видовъ или даже какъ привѣтъ.

Оба ученые имѣли передъ собою неочищенный еще оригиналъ и потому упрекать ихъ въ ошибочномъ пониманіи сцены нельзя. Мы теперь ясно видимъ, что ни о жанровой сценѣ, ни объ охотѣ или военной схваткѣ и рѣчи быть не можетъ, что тутъ изображена именно сцена обрядовая. В. К. Мальмбергъ совершенно вѣрно указалъ на то, что жестъ одного изъ всадниковъ обыченъ былъ при молитвѣ или служилъ знакомъ благоговѣнія передъ царемъ, героемъ или богомъ⁷⁾. Мы видѣли, что всадники по виѣшнему виду другъ отъ друга не отличаются, что единственная разница между ними та, что у праваго всадника въ рукахъ нѣтъ никакихъ атрибутовъ, между тѣмъ, какъ у лѣваго въ лѣвой рукѣ изображенъ скипетръ, а въ правой ритонъ. Лѣвый всадникъ, стало быть, является чѣмъ-то болѣе возвышеннымъ, либо героизированнымъ покойникомъ, либо даже божествомъ. Лучшею аналогіею для изображенной на нашемъ ритонѣ сцены являются изданные Сарре и Герцфельдомъ сассанидскіе рельефы третьяго и послѣдующихъ вѣковъ послѣ Р. Хр.⁸⁾ въ Накшъ и Рустамъ, къ сѣверу отъ Шираза, на мѣстѣ древнихъ Пазаргадъ и Персеполиса. На табл. V, напр., изображено посвященіе на царство основателя сассанидской династіи Ардашира I. Папакана богомъ Ормуздомъ. И царь и богъ Ормуздъ изображены всадниками; Ормуздъ въ лѣвой рукѣ держитъ скипетръ, а въ правой вѣнецъ, который онъ передаетъ царю; царь правою рукою получаетъ вѣнецъ, лѣвая рука поднята въ знакъ привѣта или благоговѣнія, причѣмъ указательный палецъ поднять отдѣльно. Лошади и облаченіе царя и бога совершенно одинаковы, только короны разныя; подъ каждымъ всадникомъ лежитъ по навшему врагу.

Сходство съ изображенной на нашемъ ритонѣ сценою поразительное; оно настолько велико, что совершенно невозможно предположить, чтобы художники, исполнившіе иранскіе рельефы, сами придумали ту-же композицію, какую мы видимъ на памятникѣ, на слиш-

⁷⁾ Ср. также Sittl, die Gebärden der Griechen u. Römer, стр. 147 слл. Съ поднятыми вверхъ руками, причѣмъ ладонь повернута была впередъ, молились также въ Египтѣ, Вавилонѣ и т. д.

⁸⁾ F. Sarre u. E. Herzfeld, Iranische Felsreliefs, Berlin, Wasmuth, 1910, табл. V, XIII, XIV и др.

комъ пять вѣковъ болѣе древнемъ. Мы несомнѣнно должны предположить вліяніе іонійскаго искусства на иранское⁹⁾. Мы видимъ, значитъ, здѣсь обратное движеніе: первоначально, въ древнее время, іонійское искусство стояло подъ вліяніемъ восточнаго (такъ напр. и въ нашемъ изображеніи геральдической типъ противопоставленія двухъ одинаковыхъ или даже разныхъ существъ, несомнѣнно, въ основаніи своемъ восточный), но впослѣдствіи, когда греческое искусство развилось и достигло апогея совершенства, и восточное искусство не могло не подвергнуться также его вліянію, въ особенности, когда благодаря завоевательнымъ походамъ Александра Великаго въ средней Азии эллинизация востока сдѣлала большіе успѣхи. Можетъ быть, и изображеніе на нашемъ ритонѣ по аналогіи иранскихъ рельефовъ слѣдуетъ объяснить какъ вѣнчаніе скиѣскаго царя скипетроносца на царство богомъ, хотя этого доказать и нельзя: если бы это было такъ, то слѣдовало бы думать, что въ курганѣ Карагодеуашхъ находилась царская могила, что по богатству находокъ уже и такъ болѣе чѣмъ вѣроятно¹⁰⁾.

Слѣдующія двѣ полосы сверху и снизу обрамлены овами. На полосѣ подъ всадниками изображены четыре утки, изъ которыхъ три поднимаютъ крылья вверхъ, одна-же, вторая слѣва, распростерла ихъ въ сторону. Вѣроятно, художникъ хотѣлъ изобразить ихъ плывущими по водѣ и охотящимися на рыбу, сюжетъ нѣсколько разъ встрѣчающійся на серебряныхъ сосудахъ изъ южной Россіи¹¹⁾; подъ третьей

⁹⁾ Іонійское происхожденіе южно-русскихъ драгоцѣнныхъ издѣлій греческой работы, на которое впервые указалъ А. Фуртвенлеръ, *der Goldfund von Veltersfelde* (теперь въ его *Kleine Schriften*, I. стр. 469 сл., въ особенности стр. 509 сл.), и которое было одобрено почти всеми учеными, писавшими объ этихъ предметахъ послѣ него, я считаю доказаннымъ и распространяться объ этомъ вопросѣ здѣсь не намѣренъ. Ср. также О. Benndorf, *das Heroon von Gjolbasehi-Trysa*, стр. 248; В. К. Мальмбергъ, ук. соч. стр. 172; F. Winter, *Jahreshefte des öster. Instituts V* (1902), стр. 124 сл.; В. В. Фармаковскій, золотыя обивки налучій изъ Ильинскаго и Чертомлыцкаго кургановъ, въ Сборникѣ археологическихъ статей подп. графу А. А. Бобринскому, стр. 104 и др.

¹⁰⁾ Такая-же композиція, какъ на нашемъ ритонѣ весьма часто встрѣчается на находимыхъ въ древней Панноніи, Дакіи и Фракіи геммахъ, рельефахъ, бронзовыхъ пластинкахъ и скульптурахъ и, несомнѣнно, указываетъ на синкретизмъ, смѣшеніе восточныхъ культуръ съ западными (Ормуздъ, Мнѳра и др.); ср. напр. Г. Казаровъ, *die Kultdenkmäler der sog. thrakischen Reiter in Bulgarien*, въ *Archiv f. Religionswiss. XV* 1912, стр. 153 сл., гдѣ приведена главнѣйшая литература.

¹¹⁾ Ср. напр. Куль-Обскую вазу, изд. въ Древн. Вост. Киммер. табл. XXXV, 5 и 6; вазу изъ Чмыревой могилы около Большой Вѣлозерки, изд. В. В. Фармаковскимъ въ *Archäol. Anzeiger* 1910, стр. 222, рис. 20 и 21 и Н. И. Веселовскимъ въ журналѣ «Гермесъ», 1910, н^о 12, рис. 7 и 8 и др. Кромѣ того на одномъ изъ трехъ (кромѣ нашего) ритоновъ, найденныхъ въ курганѣ Карагодеуашхъ изображены четыре утки, охотящіяся на рыбу (ритоновъ всѣхъ четыре, а не три, какъ полагаетъ В. К. Мальмбергъ ук. соч. стр. 140; два фрагмента, которые по В. К. составляли одинъ ритонъ, никакъ не сходятся: верхній край нижней части гораздо шире чѣмъ нижній край верхней части; что отъ одного ритона

уткою, повидимому, еще сохранились слѣды рыбы, которую утка собирается схватить: голова рыбки на половину погрузилась въ воду.

Подъ эту полосою мы видимъ (табл. II) полосу, украшенную пальметками и цвѣтками, соединенными между собою усиками, причѣмъ „цвѣтки играютъ роль полноправную съ пальметками“, какъ выражается В. К. Мальмбергъ, это—Palmetten und Blütenband, какъ его называетъ А. Фуртвенглеръ.

Ниже пятый ободокъ заполненъ лавровымъ вѣнкомъ, какъ мы его видимъ напр. на вѣшнемъ ободкѣ Керченскаго блюда (не Чертомлыцкаго, какъ пишетъ ошибочно В. К. Мальмбергъ), найденнаго вмѣстѣ съ золотою маскою царицы (Эрм. н^о 577) ¹²⁾. Нижняя часть ритона сплошь покрыта чешуйками или перьями; конецъ гладкій и на него, вѣроятно, насажено было какое нибудь украшеніе, теперь утерянное: головка или передняя часть (πρωτοτύ) животного.

Другой ритонъ (Эрм. н^о 575 с.), изображенный на табл. IV по рисунку художника М. В. Фармаковского и на табл. V по фотографіямъ, найденъ въ Керчи, Анапѣ или Новороссійскѣ и пріобрѣтенъ въ 1889 году графомъ А. А. Бобринскимъ вмѣстѣ съ другими серебряными вазами ¹³⁾. Онъ очищенъ осенью 1911 года В. В. Вейсенбергеромъ, и рисунокъ М. В. Фармаковского сдѣланъ послѣ чистки. Ритонъ пока неизданъ, кромѣ фигуры одного сармата или скиѳа, изданнаго въ „Русскихъ Древностяхъ“ графа И. И. Толстого и Н. П. Кон-

сохранилась только верхняя часть, а отъ другого только нижняя часть—случайность). Такъ какъ рисунокъ 18 на стр. 144 у В. К. Мальмберга даетъ изображеніе очень неполное и не точное, сдѣланное О. Г. Беренштамомъ до чистки ритона, считаю не лишнимъ дать здѣсь кинше съ наброска, сдѣланнаго теперь художникомъ Э. К. Лингартомъ: первая

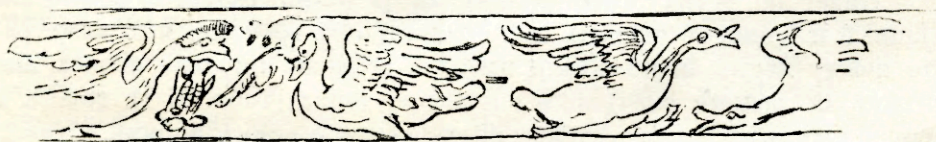

Рис. 2.

утка слѣва держитъ въ клювѣ пойманную рыбу, вторая изображена en face съ распростертыми крыльями, какъ на нашемъ ритонѣ (подъ нею, можетъ быть, также изображена рыба), четвертая старается поймать рыбу, изображенную подъ третьей. Сходство между нашимъ фризомъ и фризомъ только что описаннымъ весьма большое, хотя разница все-таки есть. Три утки изображены также съ поднятыми вверхъ крыльями, а одна en face съ распростертыми въ сторону крыльями.

¹²⁾ Пользуюсь случаемъ, чтобы указать на несомѣнно вѣрное объясненіе загадочной до сихъ поръ надписи на оборотной сторонѣ этого блюда М. И. Ростовцевымъ (ср. facsimile въ Древн. Вост. Киммер., табл. XXX, 11): λ (τρρρ) η (=8) ς (=οδγκ:α) ς < (=6 1/2): т. е. 8 фунтовъ 6 1/2 унціевъ; вѣсъ блюда 2604,3 грамма.

¹³⁾ Къ сожалѣнію мѣсто нахождения этого ритона установить невозможно; въ книгѣ для записыванія новыхъ пріобрѣтеній покойнымъ Г. Е. Кизерицкимъ записано: «retrouvé à Kertch ou Анара», въ инвентарѣ-же имъ вписано: «Novorossijsk, achat Bobrinski».

дакова, вып. II (1889) рис. 42 стр. 58, немедленно послѣ или до поступления ритона въ Эрмитажъ ¹⁴⁾. Къ сожалѣнію, ритонъ очень плохо сохранился; недостаетъ довольно большой части его, но сохранившіеся фрагменты все могутъ быть соединены въ три большихъ куска, дѣлающихъ форму и изображенія ритона совершенно ясными.

Ритонъ кончался передней частью (*πρῶτη*) лошади см. таб. V, 4¹⁵⁾; сохранилась только правая часть головы, грудь, правая нога; лѣвая сторона совершенно пропала, даже фрагментовъ нѣтъ. На головѣ и на копытѣ правой ноги сохранилась золотая накладка, которою, повидимому, были покрыты все рельефно выдающіяся части ритона, но которая, къ сожалѣнію, во многихъ мѣстахъ отскочила. Въ груди лошади круглое отверстіе, изъ котораго вытекала содержавшаяся въ ритонѣ жидкость. В. К. Мальмбергъ, ук. соч. стр. 110, указывалъ на то, что это и есть настоящіе ритоны, роговидные сосуды для питья вина, снабженные „въ верхніи отверстіемъ; изъ ритоновъ пили, какъ можно убѣдиться по большому числу сохранившихся рисунковъ, не поднося ихъ вплотъ къ губамъ, а вливали тонкую струю въ ротъ, держа ритонъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ усть“. Это отверстіе, вѣроятно, было и у нашего ритона задѣлано металлическою пробкою, можетъ быть, также висѣвшею на цѣпочкѣ, какъ напр. у Чертомлыцкой вазы. Шерсть лошади также обозначена.

Верхній край ритона сохранился; діаметръ его 11 ст., самый край около сантиметра шириною, такъ что общій діаметръ сверху около 13 ст. Нѣсколько отступя отъ края между двумя рядами овъ (ова) какъ бы въ рамкѣ тянется волнообразный орнаментъ ¹⁶⁾, сплошь сохранившій свою золотую наладку: съ овъ накладка почти совершенно исчезла.

Ниже по всему полю ритона въ рельефѣ изображена борьба пѣшихъ и конныхъ скифовъ или сарматовъ съ греками; мнѣ кажется, что между двумя фрагментами пропала не очень широкая полоса. Мы видимъ по серединѣ скачущаго вправо всадника (Табл. V 1), голова и верхняя часть тѣла котораго повернуты почти совсѣмъ впрямь. Правая

¹⁴⁾ Во французскомъ изданіи «Русскихъ Древностей» Sal. Reinach'a, рис. 134 на стр. 197. Н. П. Кондаковъ и графъ И. П. Толстой пишутъ, что ритонъ происходитъ изъ Кубанской области, не опредѣляя точно мѣста находки.

¹⁵⁾ Ритоны, кончающіеся переднею частью какого-нибудь животнаго, нѣсколько разъ встрѣчаются между южно-русскими находками; напр. въ Семибратнемъ курганѣ мы имѣемъ два экземпляра такихъ ритоновъ, Эрм. н° 406а, золотой ритонъ съ переднею частью собаки, и серебряный, громадный ритонъ, кончающійся переднею частью рогатаго горнаго козла (ibex), Эрм. н° 575b; головами звѣрей ритоны кончаются очень часто, такъ напр. головою барана золотой ритонъ Эрм. н° 406b; головою льва серебряный ритонъ Эрм. н° 575, головою барана одинъ изъ ритоновъ Карагодеуашскихъ и т. д.

¹⁶⁾ Тотъ-же волнообразный орнаментъ, какъ украшеніе верхняго края ритона, мы видимъ, напр., на ритонѣ, который лѣвый всадникъ на выше описанномъ Карагодеуашскомъ ритонѣ держитъ въ рукахъ.

часть лица, къ сожалѣнію, пропала, видны только лѣвый глазъ, длинные волосы и длинная, спускающаяся на грудь борода съ длинными усами. Кафтанъ всадника украшенъ тѣмъ же волпообразнымъ орнаментомъ между двумя рядами точекъ, тянущимся въ двухъ полосахъ сверху внизъ; рукава украшены рядомъ точекъ или розетокъ. Тѣ-же орнаменты видны и на кафтанѣ и на шганахъ пѣшаго варвара. Отъ штановъ всадника ничего не сохранилось; видна только нога его съ сапогомъ, также мягкимъ, кожанымъ, перевязаннымъ посерединѣ, какъ всюду на изображеніяхъ скивовъ. Въ лѣвой рукѣ всадникъ держитъ поводъ, правую, поднятою рукою опъ копьемъ старается поразить какого то врага. Лошадь скачетъ, какъ видно по сохранившимся на второмъ фрагментѣ заднимъ ногамъ и передней, высоко поднятой, отъ которой сохранилось только копыто. Лошадь—съ короткою гривой, шерсть ея также обозначена; вся сбруя хорошо видна; всадникъ сидитъ на сѣдлѣ или чепракѣ. Подъ лошадью горизонтально лежитъ другое копье и въ вертикальномъ положеніи изображенъ скивскій лукъ, вѣроятно, потерянные какимъ то воиномъ—варваромъ. За этимъ всадникомъ изображенъ былъ второй всадникъ, отъ котораго, къ сожалѣнію, очень мало сохранилось. Отъ лошади видна только нижняя часть заднихъ ногъ; отъ всадника сохранились только длинные, развѣвающиеся волосы, что указываетъ на быстрый бѣгъ лошади, поднятая надъ головою правая рука съ мечемъ и развѣвающийся плащъ. На обонхъ всадникахъ и лошадяхъ вся золотая накладка вполне сохранилась. Это, сколько намъ извѣстно, первый примѣръ изображенія скива или сармата, сражающагося съ мечемъ въ рукѣ: такой же мечъ въ рукахъ у нагого воина, изображеннаго ниже во второй полосѣ.

Передъ первымъ всадникомъ сохранилась часть фигуры молодого грека (Табл. V 2), стремящагося влѣво, но обращающаго голову и взоры назадъ: правую рукою опъ заноситъ кверху копье, лѣвая рука просунута черезъ завязку внутри щита и пальцами схватила второй ремень. На щитѣ и на волосахъ юноши золотая накладка сохранилась; щитъ окаймленъ двумя рядами точекъ, изображающихъ, вѣроятно два ряда металлическихъ гвоздей. Нижняя часть тѣла юноши сохранилась на второмъ фрагментѣ (Табл. V 3); юноша шагаетъ вправо, правая нога въ колѣнѣ согнута, лѣвая—протянутая изображена впрямь. Этотъ греческій юноша сражается, повидимому, съ варваромъ, отъ котораго сохранилась только нижняя часть: нижняя часть кожаного панцыря или кафтана и ноги въ шганахъ и саногахъ; виденъ также его щигъ. Варвара мы должны представлять себѣ въ такомъ положеніи, какъ напр. второго воина на Чертомлыцкихъ ножнахъ, или амазонку въ борьбѣ съ Фезеємъ на прекрасномъ вазовомъ рисункѣ, изображенномъ напр. у Baumeister'a, Denkmäler, стр. 2000. Повидимому, лѣвый всадникъ скачетъ на помощь пѣшему варвару; который, можетъ быть, потерялъ лукъ и копье и на котораго грекъ уже занесъ копье, и старается грека поразить мечомъ. Сражается-ли и другой всадникъ противъ того же грека, сказать

трудно, взоры его устремлены впередъ, немного внизъ, можетъ быть противъ врага, находящагося въ нижней полусѣ. Тамъ мы также видимъ битву варваровъ съ эллинами. Варваръ въ такой же одеждѣ, какъ и остальные варвары на этомъ ритонѣ, съ развѣвающимся плащомъ и съ копьемъ въ рукѣ наступаетъ на двухъ нагихъ воиновъ: (Табл. V 3): одинъ изъ нихъ изображенъ сзади; отъ него сохранилась только задняя часть головы и поднятая правая рука съ копьемъ; другой (Табл. V 5) спѣшитъ влѣво съ поднятою надъ головою правою рукою, которая держитъ мечъ; въ лѣвой рукѣ ножны. Типъ этого воина своеобразный; между тѣмъ какъ греки всегда изображаются съ короткими волосами, у этого юноши волосы длинные, какъ у остальныхъ варваровъ; да и лицо его не греческое, а скорѣе напоминаетъ кельтовъ--галатовъ, которые здѣсь, очевидно, сражаются на сторонѣ грековъ¹⁷⁾. Можетъ быть, второй всадникъ старается помочь своему пѣшему земляку противъ двухъ наступающихъ на него враговъ. Положеніе грековъ во всякомъ случаѣ, насколько можно судить по сохранившимся остаткамъ, менѣе выгодное, какъ вполне справедливо можно и должно ожидать на ритонѣ, сдѣланномъ по заказу скиѣскаго вождя для прославленія своего подвига.

Остается сказать нѣсколько словъ относительно стиля и датировки обоихъ, описанныхъ выше ритоновъ, которые оба относятся къ тому же, приблизительно, времени. Уже В. К. Мальмбергъ совершенно правильно указывалъ на большое сходство Карагодеуашскихъ вещей съ Чертомлыцкими и относилъ ихъ къ одному и тому же времени, т. е. къ началу IV вѣка до Р. Хр.¹⁸⁾; теперь, если не ошибаюсь, онъ склоняется къ болѣе поздней датировкѣ, къ эпохѣ эллинизма. Б. В. Фармаковскій, напротивъ, ук. соч. стр. 104, относитъ эти предметы къ гораздо болѣе позднему времени и утверждаетъ, что „стиль рельефовъ... совершенно опредѣленно указываетъ на эллинистическую эпоху и въ частности на II вѣкъ до Р. Хр. какъ на наиболѣе вѣроятное время возникновенія горита“. Съ датировкою Б. В. Фармаковского согласился С. А. Жебелевъ¹⁹⁾, который считаетъ изъ выводовъ Б. В., „несомнѣнно непоколебимымъ“ то, что оба горита по времени исполненія относятся ко II вѣку до Р. Хр. Съ датировкою Б. В. Фармаковского я никакъ согласиться не могу; я полагаю, что онъ ошибся по крайней мѣрѣ на одно столѣтіе и что Карагодеуашскіе и Черто-

¹⁷⁾ Что кельты сражаются на сторонѣ грековъ, вполне возможно, такъ какъ хорошо извѣстно, что въ III вѣкѣ кельты или галаты служили наемниками у царей и свободныхъ городскихъ общинъ въ окрестности Понта Евксинскаго; ср. Niese у Pauly-Wissowa, Realencycl. VII, стр. 620 сл. s. v. Galli.

¹⁸⁾ См. подробное сопоставленіе всѣхъ датировокъ и мнѣній о стилѣ и происхожденіи южно-русскихъ древностей у Б. В. Фармаковского, ук. соч. стр. 48 сл.

¹⁹⁾ См. рецензію С. А. Жебелева на Сборникъ въ честь графа А. А. Бобринскаго въ журналѣ «Гермесъ» за 1912, н^о 4, стр. 105.

млыцкіе предметы нужно относить къ періоду отъ половины IV до половины III вѣка до Р. Хр., т. е. къ періоду вышлага расцвѣга боспорскаго царства, когда благодаря цвѣтущей торговлѣ накопились громаднѣйшія богатства на югѣ Россіи и когда при погребеніи покойниковъ замѣтна гораздо большая пышность, чѣмъ раньше или позже ²⁰⁾. Миѣ кажется, что Б. Вл. установилъ столь позднюю дату только благодаря находкѣ нѣсколькихъ вазовыхъ черепковъ, найденныхъ при раскопкахъ Чертомлыцкаго кургана въ насыпи, которые, по его миѣнію, могутъ относиться ко времени никакъ не болѣе раннему, чѣмъ II вѣкъ до Р. Хр., и, исходя отъ этой даты, старался подвести подъ эту дату и все остальные данныя, хотя бы и съ натяжкой. Я подробно опровергать высказаннаго Б. В. Фармаковскимъ положенія не намѣренъ, тѣмъ болѣе, что объемъ статьи для сборника ограниченъ и этого не допускаетъ: объ этомъ придется намъ говорить въ другой связи и въ другомъ мѣстѣ; но, по моему миѣнію, ничто насъ не заставляетъ спускаться ниже конца IV или начала III вѣка, во всякомъ случаѣ не ниже середины III вѣка; въ пользу этой датировки говорятъ и амфорныя ручки найденныя въ насыпи, которыя по характеру письма относятся къ IV/III вѣку; по моему миѣнію, и черепки отъ посуды можно свободно отнести къ гораздо болѣе раннему времени. Все изображенія на ритонахъ находятъ себѣ прекрасныя аналоги и въ рельефахъ изъ Гельбани и въ Сидонскихъ саркофагахъ; напр. какъ въ рельефахъ изъ Гельбани, такъ и на второмъ ритонѣ одна сцена расположена въ два яруса; свободное пространство всюду заполняется, отчасти развѣвающимися плащами, отчасти, какъ на Карагодеуашскомъ ритонѣ, растительнымъ орнаментомъ схематически нарисованнаго дерева, вполнѣ напоминающаго орнаментъ на крышкѣ т. н. саркофага Александра изъ Сидона ²¹⁾; однимъ словомъ, хотя и нельзя указать въ отдѣльности на совершенно одинаковыя группы или мотивы, то общее сходство композицій всехъ этихъ памятниковъ бросается въ глаза. Къ нашимъ ритонамъ вполнѣ подходитъ характеристика, данная г. Saglio для Чертомлыцкой вазы въ *Diction. des antiquités I* стр. 804 подъ словомъ *caelatura*: „les personnages et les animaux sont traités largement et simplement, bien qu'avec une certaine recherche de la vérité; le style, la composition, l'exécution accusent bien une oeuvre du IV siècle. Enfin les reliefs dans les endroits mêmes, où ils sont le plus développés, sortent à peine de la ligne du contour; la pureté du galbe n'en est pas altérée, on n'y trouve rien encore de cette exubérance

²⁰⁾ Я очень радъ, что со мною вполнѣ сходятся въ датировкѣ М. И. Ростовцевъ, высказавшій свои взгляды въ двухъ рефератахъ, читанныхъ имъ на всероссійскомъ съѣздѣ филологовъ въ концѣ 1911 года и въ Императорскомъ Археологическомъ Обществѣ.

²¹⁾ Hamdy Bey, nécropole royale de Sidon, табл. XXIV и F. Winter, d. Alexander-sarkophag aus Sidon 1912, табл. 5, 6, 13, 14.

dont le gout fut si marqué chez les Romains, mais qui ne commença à se faire sentir en Grèce, qu' au temps de la domination macédonienne“.

Мы уже выше указывали на то, что считаемъ несомнѣннымъ іонійское происхождение обоихъ ритоновъ. Такъ какъ этотъ вопросъ былъ уже трактованъ неоднократно и мы новыхъ данныхъ къ уже высказанному нашими предшественниками прибавить не можемъ, то удовольствуемся ссылкой на вышеупомянутыя, прекрасныя статьи Фуртвенглера, Гаузера, Мальмберга, Фармаковского и др. Въ пользу этого іонійскаго происхожденія говорить въ особенности приземистыя, коренастыя, короткія, нѣсколько одутловатыя, пухлыя чело-вѣческія фигуры“ и живописный характеръ „любящій покрывать все предметы и постройки пестро расписанными фигурными украшениями“. Это, вѣроятно, и объясняетъ своеобразный приѣмъ накладки золота на серебро въ цѣломъ рядѣ найденныхъ на югѣ Россіи предметовъ. Происходятъ ли наши ритоны изъ Кизика²²⁾ или его окрестностей, какъ предполагали Фуртвенглеръ, Гаузеръ, Шварцъ и Мальмбергъ, или же изъ Милета, какъ предполагаетъ Б. В. Фармаковский, далѣе, привозныя ли это издѣлія или сдѣланы ли они іонійскими мастерами на югѣ Россіи по заказу варварскихъ царей,—это вопросы пока безнадежныя, которые мы рѣшать не беремся и которые, по нашему мнѣнію, рѣшить пока невозможно. Одно можно сказать вполне опредѣленно,—что наши ритоны издѣлія іонійскаго искусства конца IV или скорѣе начала III вѣка до Р. Хр.

Евг. Придикъ.

²²⁾ О процвѣтаніи серебряныхъ дѣлъ мастерства въ Малой Азіи ср. Plin. hist. nat. XXXIII, 12, 55 (154)

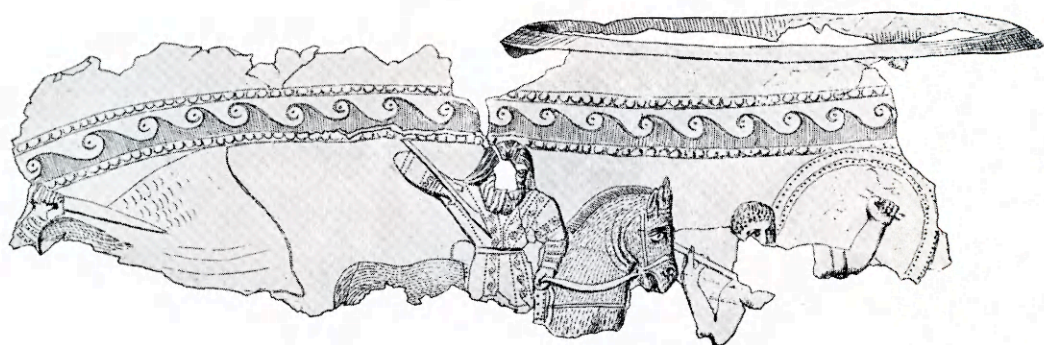
Серебряный ритонъ изъ кургана Карагодеуашхъ по рис. А. Д. Раевского (1³/₂₀ н. в.).
Верхняя часть.

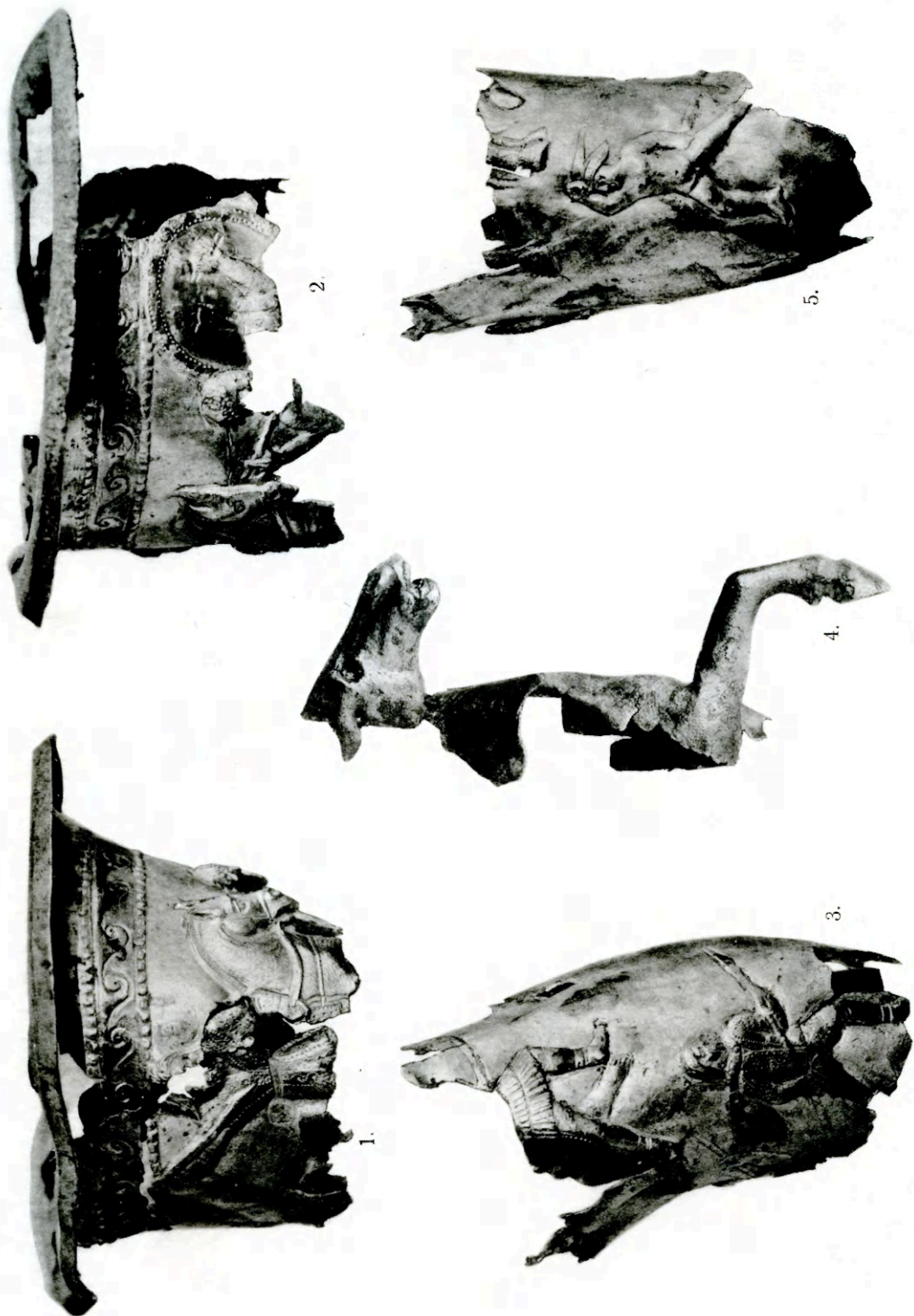
Серебряный ритонъ изъ кургана Карагодеуашъ по рисунку А. Д. Раевского.
Нижняя часть.

Серебряный ритонъ изъ кургана Карагодеуашхъ. Общій видъ: по фотографіи (10/17 н. в.).

Серебряный ритонъ изъ коллекціи Импер. Эрмитажа
по рис. М. В. Фармаковскаго ($\frac{1}{2}$ н. в.).

Серебряный ритонъ изъ коллекции Императорскаго Эрмитажа (по фотографіямъ).

100,

Akc. 245 / d.

25. VIII. 86

<http://rcin.org.pl>

BIBLIOTEKA

I
H
K
M

B. 3949